

ЕСТЬ У МЕНЯ МЕЧТА. БОЛЬШАЯ,
ДАВНЯЯ. Я ХОЧУ, ЧТОБЫ МЕНЯ
ЧИТАЛИ

Как бывший владелец бара честно заявляю,
держать питейное заведение в военном городке
— это сплошная мушкетерская жизнь.

Зажигательная,
хмельная, экстремальная
и... круглосуточная

Жанна Кушнир

Я помню время,
когда...

Знаете, понятие муравьиная
тропа? У нас в комнате была
мышинная. Деловито, не
страшась света, они шуршали
до полу невесомыми

Есть у меня в биографии неприятный
грешок — я воровала
конфеты в маленьком
продуктовом магазинчике
в военном городке Эмба-5.
Причина всего одна и
пребанальнейшая — очень
хотелось сладкого.

#ЖАННАПИШИ

РЕЗЮМЕ ОТ ДЕГУСТАТОРА
ВПЕЧАТЛЕНИЙ
РЕКОМЕНДУЮ

и категорически отказалась
застегиваться. Они сказали:
"Жанна, брось нас.
Всё кончено"

Моя Муза - растрепанная
пацанка, бестолковая и
непредсказуемая.
Постоянно хихикает и
щекочет мне нос.

Мне не повезло дважды:

я не дотянула до сангвиника,
и я стала грызть ногти.

ENJOY

НО БИОЛОГИЧКА НЕПРЕКЛОННА —
УБИТЬ.

ОДНОГО ЗАПЕРЕТЬ БЕЗ

СВЕТА И ВОДЫ. ДРУГОГО ОБЛИТЬ

сейчас порвут большую Норму
на много маленьких
Нормочек

В моем детстве все курицы
были спортсменками.
Очень вкусными, зажаристыми,
ароматными спортсменками
с золотистой хрустящей
кожицей.

В моем детстве все курицы
были спортсменками.
Очень вкусными, зажаристыми,
ароматными спортсменками
с золотистой хрустящей
кожицей.

И тут моя острота зрения
дала обострение. Закапали
слезки.

И почти каждое утро они
просыпаются под один и
тот же рингтон. Это мой
истеричный крик: "Подъём!
Мы проспали!"

самым приятным воспоминанием
моего отпуска на
Черноморское побережье
был обед в самолете.
Нееет, море, я по тебе
скачу.

Поздним летним вечером,
на Приозерском шоссе,
недалеко от поселка
Вискелово, в одном месте
встретились трое - машин

Жанна Кушнир

#ЖАННАПИШИ. ENJOY

«Издательские решения»

Кушнир Ж.

#ЖАННАПИШИ. ENJOY / Ж. Кушнир — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969768-4

Это книга маленьких историй, которые происходят с нами каждый день. Жизнь сама преподносит нам разные истории, успевай лишь подмечать их и облекать в читабельную или разговорную форму. Оглянитесь, мимо вас проходят десятки жизненных сценариев, типажей, возможностей, характеров, идей. Хватайте любое событие, встречу, персону. Запоминайте момент, эмоцию, слово. И делайте из этого историю.

ISBN 978-5-44-969768-4

© Кушнир Ж.
© Издательские решения

Содержание

Вот, что я хочу сказать...	6
У меня зазвонил телефон...	7
Курица-спортсменка	9
Чистота по-итальянски	11
Вторая жизнь	13
Про воровство	15
Как рожают Зои Космодемьянские	17
Ворона по имени Рона	20
А что у нас на завтрак?	23
Про ЭТО	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

#ЖАННАПИШИ ENJOY

Жанна Кушнир

© Жанна Кушнир, 2019

ISBN 978-5-4496-9768-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вот, что я хочу сказать...

Есть у меня мечта: личная, большая, давняя.

Я хочу, чтобы меня читали.

Не как очередную тысячную бездельницу-писаку из соцсетей, мельком в новостной ленте, без следа и памяти. Соц. сети и так достаточно засраны бумаго-марателями. Не хочу быть таким «засранцем». Ненавижу словоблудие и сама стараюсь не «блудить».

Я хочу, чтобы меня читали.

И забирали кусочек моей истории в свою жизнь. Чтобы после моих постов оставалось читательское послевкусие – улыбка, сопереживание, причастность, теплота или же непонимание, спор и даже неприязнь. Пусть. Я не обижусь и не забаню. Мне важно, чтобы мои истории оставляли отклик у читателя. Текст без эмоционального следа – это пустышка. Прочёл – забыл. Не хочу, чтобы меня забывали. Наверное, поэтому мои посты с перчинкой, привкус подольше остается

Читайте с удовольствием, а я ещё напишу.

У меня зазвонил телефон...

Телефон зазвонил в тот момент, когда я, обжигаясь через тонкое полотенечко, сливала сваренные макароны в дуршлаг. Духовку привезли. Курьер звонит. Где мой телефон?!

Теряя макароны мимо дуршлага, я бросила кастрюлю и рванула из кухни в поисках телефона.

А это дело непростое. Он может быть где угодно: на зеркале – в куче расчесок, косметических карандашей, магазинных чеков и халявных свистулек из супермаркета, Валеркиных отвёрток, всевозможных метизов, лампочек, перчаток и собачьего ошейника.

В кармане пальто, в кармане куртки.

Мобильник может взывать из последних сил где-нибудь на столе, около компьютера, под грудой книг, бумаг, стикеров, засыпанный канцелярской мелочовкой.

Есть у меня слабость – мелкая канцелярия: ручки, маркеры, симпатичные гвоздики-кнопочки, разноцветные скрепки.

В Окее была распродажа минус 50%, так я закупила скрепками на три жизни вперед. Теперь, когда пылесосу, слышу, как этот маленький мощный демон с циклонным фильтром, словно автоматной трелью, безжалостно всасывает все мои скрепочки, кнопки и колпачки от ручек.

Бывает, телефон дёргается в конвульсиях, зажатый между диванными подушками. Сидела, разговаривала, встала, а этот бедолага завалился в недра дивана, под подушки – а у нас их целых пять. Это настоящая засада. А если мобильник на виброрежиме, то его можно искать целый день

И самое страшное, когда телефон лежит в моем маленьком, компактном рюкзаке, потому что рюкзачок – это чёрная дыра. Нет, это бермудский треугольник. Даже хуже, это шляпа фокусника – положила туда телефон, и он исчез. Навсегда. А взамен эта бездонная шляпа фокусника – мой рюкзачок – выдает кучу всякой хрени:

- рассыпанная мелочь из раскрытого массивного портмоне,
- толстая ключница,
- конфеты в фантиках и фантики без конфет,
- смятые чеки и бонусные свистульки из супермаркета,
- огрызок карандаша для глаз и огрызок карандаша для записей (вдруг меня озарит писательским вдохновением, а мне и записать-то нечем), да, кстати, блокнот в сумке тоже есть.

Когда-нибудь я вытащу оттуда кролика.

А также – очередная книга, бутылочка с водой и какой-нибудь забытый фрукт. Яблоки я успеваю спасти, а вот бананы частенько умирают в моем рюкзаке. Из задорных желтых крепышей они превращаются в липкое, мягкое, почерневшее месиво под темной кожурой. Зная за собой такой грешок, я всегда кладу банан в пакет. Вдруг умрёт. Кто-то называет такие бананы – медовыми.

Где вы здесь видите мёд? Ребята, банан испортился, он сгнил. В мусорное ведро.

Ну вот, опять отвлеклась. А телефон-то звонит. Где? Где ты, родной? Я иду. Умоляю, не прекращай звонить. Я уже близко.

Случилось страшное – он в рюкзаке. Времени нет. Вываливаю разом содержимое прямо на пол. Хватаю телефон:

– Да, я слушаю!

А оттуда – бархатными, проникновенными, сексуальными импульсами, прямо мне в уши – льется хорошо знакомый голос:

– Здравствуй, прекрасная Жанна! (о, боже мой, кто это? кто это?)

Это звонит Дима Билан (да ладнооооооо)

Я знаю, ты вела себя хорошо целый год (да, Димочка, я старалась. Мама дорогая! Я кокетничаю с телефонным автоинформатором)

А еще я знаю, как на тебе прекрасно смотрятся ювелирные украшения фирмы ***** и я хочу... (ааа, всё понятно. Пошел ты в жопу, Дима Билан!)

и бросила трубку. Пошла на кухню злая, подбирать рассыпанные макароны и ждать звонка от курьера с духовкой.

Сейчас сижу и думаю, откуда у «Димы Билан» мой номер. А я знаю. Однажды я заполняла анкеты для какой-то медклиники, типа, худеем по составу крови. На разводилово я не пошла, а телефончик засветила. Вот и гуляет он по разным рекламным базам. Теперь мне периодически названивают: то похудеть, то почиститься, то приобрести чудо-посуду, то подлечить щитовидку, то приехать на омолаживающие процедуры, то заняться ценными бумагами, то одно, то другое.

Вот сегодня «Дима Билан» позвонил.

Курица-спортсменка

Сегодня на обед курица (правильно «кура», но «курица» привычнее). Хожу в супермаркете вдоль длинной витрины, туда – обратно, придумываю обед.

Гастрономическое изобилие мешает принять решение: и цыпленок-бройлер, и грудка в трех вариантах, и крылышки, и печенка, и шашлычок, и...

Хожу туда и обратно, мучаюсь, а гастрономическая нить убегает, прыгает с одного рецепта на другой, с жареных окорочков на жульен с курицей, с куриного супчика на куриные котлетки. Куриная расчлененка призывно смотрит на меня с витрины: красивая, гладкая, холёная, грациозно сложив ножки и деликатно спрятав гузку. Прямо конкурс красоты, красавиц много и каждая стремится быть коронованной на моем обеде.

Я делаю третий заход вдоль прилавка. Так, на «Северную» сегодня акция, вот ее и возьмем.

В моем детстве курица была в одном виде. Просто курица. Целиком. Непотрошенная. Худая, бледная, длинноногая, с синими прожилками и морицинистой скрюченной шеей. А еще она была плохо ощипана.

Мама приносила эту несчастную, завернутую в бумагу, курицу, которая вызывала не аппетит, а жалость. Распаковывая курицу, мама ворчала: «Опять спортсменок завезли» и медленно поворачивала ее над горячей газовой конфоркой. Фарточка не спасала от запаха паленой курицы, открывали входную дверь.

Звук ножа об точильный камень заставлял мое бедное сердечко сжиматься и морщиться. Бррр, ужасный звук!

На первых же «вжик-вжик», как по волшебству, появлялись наши домашние питомцы. Тишка и Гансик терпеливо сидели на кухне, ждали. А если кто-то из них пытался пролезть без очереди, то получал по морде, по наглой усатой морде. Но Гансик редко нарушал заведенный порядок, у мамы не забалуешь.

Свою курицу я вымачиваю, долго полощу в воде. Срезаю кожицу и весь жир. Я предпочитаю грудку, диетическое белое мясо. А теперь добавим специальной ароматной приправы для курицы, щепотку гранатовой соли, сбрызнем лимончиком и на полчаса мариноваться. А еще соевый соус и побольше чеснока. А потом в мультиварку, в режиме «Тушение». И минимум масла.

В моем детстве не было специальных приправ для курицы. Только соль, перец, чеснок. Мама не жалела ни чеснока, ни масла. Нам с Риткой доставалось самое вкусное – куриная ножка. Мама всегда говорила: «Как жаль, что курица не сороконожка».

Кура разделывалась без остатка, и маме даже в голову не приходило срезать «лишний» жир и сливать первый бульон. Синюшная и тощая, в маминых руках она превращалась в наваристый борщ, в подливку из потрошков, в ароматного или, как говорит моя мама, духмяного цыпленка табака. Хрустящая, зажаренная курочка, кусок хлеба, огурец, натертый солью – жизнь удалась! Цыпленок табака – коронное мамино блюдо. Шедеврально!

Когда меня, маленькую, серьезно покусала собака, и военный уазик увозил в районную больницу, мама дала в дорогу любимую куриную ножку. Это успокоило и утешило лучше слов и лекарств.

Мультиварка пищит, сообщая о готовности. Вкусно, ароматно, полезно и низкокалорийно. Я на диете. У меня подсчет калорий и ежедневные взвешивания. А муж опять будет ворчать за обедом, что ему надоело есть вареную курицу, он хочет канцерогенов, вредных жареных и жирных канцерогенов. С хрустящей корочкой!

В моем детстве не было красивых, гладких, холеных бройлеров с призывно зазывающими блестящими окорочками, килограммовыми грудками, грациозно сложенными толстенькими ножками и деликатными гузками. В моем детстве все курицы были «спортсменками». Очень вкусными, зажаристыми, ароматными «спортсменками» с золотистой хрустящей кожицей.

Чистота по-итальянски

Моя младшая сестра замужем за итальянцем и вот уже более 10 лет живет в Италии. Каждый год Рита приезжает в Россию, в гости к маме. Перед её приездом мама закупается недорогим пакетированным вином, пьет валокордин и прячет вещи.

Дело в том, что моя младшая сестра... ну, просто невозможная чистюля. У нее твердая безжалостная рука, цепкий взгляд и профессиональное чутье расхламителя. Итальянская новогодняя традиция – выбрасывать из дома всё старое и ненужное – только усугубила ее фанатизм. И каждый раз, когда Рита приезжает в гости, она устраивает в маминой квартире итальянский новый год. Беспощадно и виртуозно.

За первый же визит итальянской дочери наша неопытная мама лишилась четырех дряхлых, разваливающихся чемоданов с приданным «для внуков», коробки треснувшей посуды и изъеденных молью одеял. Все произошло быстро. Мама буквально на пару часов отлучилась из дома, вернулась, а «приданного» уже нет. Хлам ушел на помойку, целые вещи – местной многолетней семье.

Мама растерянно ходила по подругам, сиротливо протягивала пустые руки, хваталась за сердце и сетовала:

– Ну, Ритка, ну, зараза такая. Все выкинула. Такие вещи, такие вещи! Вот, оно ей мешало? Лежало 30 лет и пусть еще лежит. Не ты положила, не трогай. А какая там была одежда! Сейчас так не шьют. Платица – чистый крепдешин, свитера – чистая шерсть, детские штанишки – хлопок и фланелька. Для внуков берегла. А одеяла атласные, три штуки. Ну, всё выкинула.

В тот момент наша мама была похожа на Шпака из «Ивана Васильевича...»

...Всё, что нажито непосильным трудом...

В защиту сестры скажу, что и крепдешин, и шерсть, и хлопок-фланелька были уже достаточно потрепаны ноской и временем, с желтыми размытыми пятнами от длительного неправильного хранения. Все эти «платица – чистый крепдешин» одно время меня сильно нервировали. Особенно когда мама перетряхивала «приданное» из дерматиновых чемоданов и хвасталась своими изящными, сильно приталенными нарядами:

– А талия у меня была почти, как у Эсамбаева – 47 см. Меня стюардессой называли.

Никто из трех дочерей не унаследовал мамины точеные формы.

– Смотри, какая ткань, какой силуэт, какой утонченный фасон. Не то, что нынешние мешки. Очень красиво. Когда я их надевала, никто не верил, что у меня уже трое детей. Я эти платья по наследству передам. Может, и ты... когда-нибудь... наверное...

Мама с сомнением смотрела на меня и замолкала. Я же, крепенькая, гиперстенического телосложения, понимала, что мне мамин подвиг не повторить. Эти платица меня не дождутся. Никогда. Талия у меня папина. А также большой нос и короткие пальцы. «Калининская порода».

На следующий год к приезду младшей дочери мама подготавливалась заранее: цветастые половики прятала в сарае, подушки-одеяла у соседей. Ненужных вещей у нас дома достаточно, потому что у мамы очень «добрые руки». Всё, что могло пострадать от итальянской беспощадной зачистки, мама засунула на самые верхние секции стенки.

Подушки уцелели, остальное Рита нашла. А также под раздачу попали наши старенькие, еще подростковые, куртки и пальто. Мама пыталась возражать, мол, это для внуков, но с Ритой не поспоришь. Мама в сторонке пила валокордин и думала, что в следующий раз будет умнее. Но половички она отстояла, остались жить в сарае.

Каждый год моя итальянская сестра Рита приезжает в гости. Мама называет ее визиты «нашествием», запасается валокордином и прячет подальше от глаз накопленные за год вещи.

Мой муж жалеет маму: «Это ее вещи. Это ее жизнь» и восхищается сестрой: «Попроси, пускай к нам заедет. Очень надо». Он до сих пор не может забыть, как Рита приезжала в гости и за неполных три дня капитально расхламила нашу съемную квартиру: отмыла мебель от детского творчества, отдраила полы, навела порядок в шкафах, до блеска натёрла окна, выкинула из прихожей десятки баночек из-под йогурта (моя непонятная коллекция, думала, пригодится) и разобрала забитый чужим барахлом балкон. А еще она успевала готовить трижды в день и гулять с двухлетним племянником.

Иногда, спотыкаясь о брошенную как попало сумку или ботинки, перекладывая горы неглаженого белья или выискивая хоть какую-нибудь чистую кружку, муж косится на меня и бурчит: «Надо было на Ритке жениться. Когда она приедет в Россию, пусть заедет к нам обязательно».

Этим летом Рита обещала приехать в гости.

Вторая жизнь

Моя младшая итальянская сестра говорит, что в Италии, если ты постоянно выносишь на мусорку только один пакет, соседи могут настучать в определенные службы, и тебя оштрафуют за несоблюдение закона о раздельном мусоре.

Семья из четырех человек должна выбрасывать, как минимум, два пакета: один с органикой, в другом может быть пластик или бумага, или же стекло. В итальянских домах по три – четыре компактных симпатичных мусорных контейнера. Достаточно мудреная для русской хозяйки сортировка отходов у итальянки происходит на автомате и по нужным контейнерам (например, лампочка – это не стекло, а магазинный чек не считается бумажным мусором).

Если я поставлю в свою крохотную шестиметровую кухню еще пару – тройку мусорных контейнеров, тогда мне придется вынести стол или холодильник. Сработает закон Архимеда «тело, погруженное в жидкость...». Ещё одно лишнее ведро на 60 литров просто вытеснит из моей кухни что-то равноценное ему по объему – мультиварку или половину собаки.

У меня одно ведро и оно гостеприимно принимает в себя всех подряд, кроме засохшего хлеба – это птичкам – и пластиковых бутылок. Пластика в нашей семье много. Я покупаю молоко, сын – колу, муж – пиво. И поэтому пластика у нас больше, чем у среднестатистической семьи. Мне очень стыдно перед природой за такое замусоривание, поэтому пластик я сортирую и отношу в специальный контейнер, благо, что в нашем дворе их целых два.

Раньше просто скидывала бутылки, все подряд, включая блистерные упаковки, подложки для продуктов, тару из-под бытовой химии, одноразовую посуду.

Однажды, засовывая в отверстие очередную бутылку, я заметила чисто вымытые, очищенные, сплюснутые бутылки. Они ярко и осуждающе выделялись на фоне остального разношерстного грязного пластика. Какой дурак этим занимается, подумала я. Дома залезла в интернет, почитала правила сортировки – какой пластик идёт в переработку, в каком виде сдаётся – и стала также аккуратно мыть пустые бутылки, очищать от этикеток и сжимать для уменьшения объема.

Теперь, когда я вижу в контейнере неправильный и грязный пластик, я думаю, какой дурак сюда засунул эту упаковку из-под сосисок. На контейнере ведь по-русски написано, что можно, что нельзя. А для особо тугих еще и бумажка прикреплена крупными буквами ТОЛЬКО БУТЫЛКИ.

Я строго слежу за передвижениями всех пластиковых ёмкостей в нашей семье.

– Кто выкинул в ведро пустую бутылку? Я сколько раз говорила, пластик отдельно.

И лезу в ведро, вытаскиваю нарушителя.

Муж морщится, что ты ерундой занимаешься, всё пойдет на одну свалку. Повторяешь за сестрой бесполезную работу. Та фигней мается – мусор сортирует – и ты за ней. Никто этот пластик не перерабатывает. Сожгут или закопают. Я молчу в ответ, невозмутимо сдираю этикетку, споласкиваю тару и сплюсываю для компактности. Это занимает меньше минуты. Валерке этого не понять. Он не видел то, что видела я. Это меня потрясло, и я стала сортировать пластик.

Дело не только в старшей сестре. Ирина давно занимается раздельным сбором и вторичной переработкой. Это её личная жизненная философия, экологическая активность.

Дело не только в стихийных лесных свалках. Меня это очень бесит. До матерных ругательств, злых слез и стыда за людей. Дайте дубину покрепче, рука не дрогнет.

Дело не только в ужасающих кадрах о целых мусорных островах, дрейфующих в океане, огромных территориях, покрытых бытовыми отходами. Я помню, в новостях показывали мертвого кита, брюхо которого было набито пакетами и бутылками. Большое сильное живот-

ное погубил банальный мусор. Это страшно. Больно смотреть. И всякий раз, используя даже самую маленькую пластиковую бутылочку, я вижу этого мертвого кита.

Я стала активно и честно разделять пластик после того, как увидела скамейку. Да, друзья, не удивляйтесь – скамейку.

На территории молочного завода, где я проводила экскурсии, эта симпатичная скамеечка с разноцветными полосами и надписью «вторая жизнь» входила в мои любимые достопримечательности.

Я подводила к ней школьную группу и задавала вопрос:

– Угадайте, из чего сделана эта скамейка?

Дети прыгали на скамейке, гладили, постукивали, нюхали, даже пробовали на зуб, потом сдавались – мы не знаем.

Из переработанного пластика, друзья. Да-да, те самые ежедневные незаметные и привычные в нашем быту пластиковые емкости. Вы можете бросить ее в мусорку, и она пополнит свалочные полигоны. А можете отнести в ближайший пункт раздельного сбора или в контейнер около дома, и из нее сделают полезную вещь.

Как эта скамейка – крепкая, красивая, прочная, которая не боится ни влаги, ни жары, ни мороза. И прослужит очень долгие годы.

И что бы ни говорил мой скептик муж, я знаю, куда пойдут эти бутылки, и что сделают из переработанного пластика. Валерик, раздельный сбор – это не бесполезная работа.

Я видела ту чудесную полосатую скамейку из пластика с надписью «вторая жизнь».

Про воровство

Есть у меня в биографии неприятный грешок – я воровала конфеты в маленьком продуктовом магазинчике, в военном городке Эмба-5. Причина всего одна и пребанальнейшая – очень хотелось сладкого.

В то время я пребывала в депрессии, которая усугублялась одиночеством в чужом месте, тоской по далёкому дому, натянутыми отношениями с будущей роднёй, претензиями к будущему мужу и болезненной – прямо до дрожи – тягой к сладкому.

Я грызла жесткий солдатский кусковой сахар, не жалея зубов, до воспаленных, в мелких ранках, губ и ненавидела вкусный кондитерский отдел в местном универмаге. Личных денег у меня не было. Меня постоянно тянуло к сладким витринам, я заходила в магазин за хлебом и тупо зависала около кондитерки.

Немного спасала плодородная казахстанская земля. У Валеркиной семьи был большой щедрый огород. В июне уже вовсю краснела первая клубничка, еще несколько недель и подтянутся малина, смородина, вишня и сладкие помидоры. Каждый вечер, когда спадала жара, я ходила на огород и объедала ягодные кусты до оскомины на зубах. А по ночам мне снился шоколад.

Валеркина мама работала в магазине фасовщицей и уборщицей. Три раза в неделю. Я с готовностью подменяла её на работе. В том магазинчике я воровала конфеты. В подсобке, фасуя муку и сахар, я потихоньку и скромно прятала по карманам дешевые карамельки и грозу зубных пломб – ириски «кис-кис». На дорогие шоколадные конфеты у меня было табу. Это уже серьезное воровство.

Я выносила по четыре – пять конфеток и всякий раз, проходя мимо продавщицы, втягивала живот и прижимала руки по швам, прикрывая карманы. Почему-то мне казалось, что конфетки предательски торчат из моих кармашков, и если я вытянусь в струнку, это будет не так заметно. Вот таким солдатиком я маршировала в туалет, где в тёмном коридорчике прятала добычу в рабочий, весь в малярной краске, халат.

Работала я два часа в день и пару раз навевывалась в свой схрон. Математика проста – я воровала около 10ти конфет в день. Самые дешевые. Я помню свои слезы, когда я, по дороге домой, торопливо жевала эти конфетки. Мне было стыдно и очень вкусно.

Если фасовки не было, а бдительная продавщица – хозяйка сама стояла за прилавком – не покидала свой пост, у меня был продуманный план. Широко размахивая руками, я возила шваброй по полу магазина, поднимая в воздух вездесущий сухой казахстанский песок.

Хозяйка недовольно морщилась:

– Напылила-то, напылила. Опять что ль забыла водой побрызгать, теперь жди, когда всё уляжется, – и выходила на крыльцо подышать.

У меня было несколько секунд, чтобы метнуться в подсобку и схватить в воровскую ладошку несколько конфет. Какая коробка была открыта, то и хватала: привычные копеечные карамельки или ненавистные соевые батончики, сухие вафельные конфеты или мои любимые лимонные драже. Однажды хватанула большую шоколадную конфету, на секунду зависла – уж больно она дорогая и заметная – да пофиг, засунула в карман и вернулась к своей швабре.

Моя совесть была подорвана глюкозным голоданием. Мое эмоциональное состояние на грани срыва требовало хоть какой-то подкормки. Хотелось сладкого, поплакать и на ручки. Поддержки не было, а мой будущий муж с утра до вечера изменял мне в гараже с разбитым «Москвичом» -комби ужасного зеленого цвета.

Он ласково называл этого старого зеленого пердуна «моя ласточка». Валера приходил поздно вечером уставший, чумазый, пропахший машинными запахами, и моментально засыпал.

На меня уже не хватало ни сил, ни времени. Я сама угощала себя ворованными карамельками и брала на ручки. Спасала себя как могла. Потом устроилась работать на местный шмоточный рынок, появилась карманная мелочёвка, и в магазин за сладостями я уже приходила как покупатель, а не как воровка.

В то время, когда я воровала конфеты в маленьком продуктовом магазинчике, в военном городке Эмба-5, мне было 24 года.

Как рожают Зои Космодемьянские

Однажды ночью, а конкретнее 17 июня 99 года, я проснулась от чувства дискомфорта и какого-то детского стыда. Поёрзала в кровати, пытаюсь понять причину неудобства и конфуза.

Упс, простынь мокрая. Твою ж матрешку, неужели я описалась? И это в 26 лет. Действительно, конфуз. Ну ладно, никто не видел, а я никому не скажу. Перестелила белье, помассировала затёкшую спину – устала уже спать на спине, ну, ничего осталось потерпеть пару недель, – укуталась, аккуратно укладывая огромный живот. Подумаешь, напрудил чуток. Мне можно. Я глубоко беременная.

Засыпая, я уже оправдала себя полностью – разок намочить простынь, это детский сад по сравнению с тем, что вытворяют другие беременные. Я же все девять месяцев вела себя адекватно, мел не жрала, стиральный порошок не нюхала. Единственное, что я себе позволила, так это уничтожить все мамины запасы солёного сала вприкуску с жёстким кусковым сахаром.

Спать. Глазки закрыла и открыла. Я опять мокрая. Конфуза-то никакого не было. Воды отошли. Да ладно. Раньше на две недели. А как же «в первых числах июля готовьтесь, а в эту среду, как обычно, на прием». Я уже и гороскоп для новорожденного Рака прочитала.

Все мы знаем, что должно быть дальше. Криками «Я рожаю!» надо разбудить родных, вызвать Скорую, проверить родильную сумку, в ванной бритовкой пройтись по нужным местам, прихватить интересное чтиво, сладости на случай стресса и быстренько отправляться в роддом. Ребенок ждать не будет.

Что сделала я – подоткнулась полотенцами и уселась читать модного и авторитетного в то время Спока. Может, это ложная тревога, может, рассосётся. У меня срок в июле. Этой ночью я рожать не собираюсь. Мой ребенок подождет.

Когда в начале шестого утра мама проснулась на свой утренний кофе, я сидела в ворохе влажного белья, напряженно искала у себя схватки и немножко волновалась. Модный Спок говорил, что воды – схватки – потуги – роды – это естественная и правильная цепочка деторождения. У меня что-то пошло не так. Водами я залила старенький диван и вот уже около трех часов ждала продолжение. А где же мои схватки?

Мама сонно прошла на кухню:

– Жанна, ты чего не спишь?

– Жду.

Узнав, ЧТО я жду, мама всплеснула руками, обозвала меня бестолочью, разбудила младшую сестру «беги, Скорую вызывай, а то пока они приедут...», загремела на кухне быстрым завтраком и суетливыми сборами той самой родильной сумки.

Ритка рванулся к единственному в Нюнемяках телефону – автомату. Военный городок у нас маленький, дороги плохие, а ехать Скорой аж с Токсово, с районной больницы, едут долго и не всегда доезжают, поэтому Рита добавила истерики в голосе: «Скорая, приезжайте быстрее, у меня сестра рожает. Воды? Да, отошли. Схватки? Да, начались».

Но её страшилки не помогли. Скорая приехала почти через час. За это время мама успела впихнуть в меня блинчики. Напрасно она это сделала, потому что в машине меня укачало, и я вернула весь завтрак обратно в пакетик.

В больнице меня быстро приняли, оформили, обработали, поместили в одноместную палату с аппликацией слоника на дверях и... забыли. Воды у меня отошли, схватки так и не начались. На часах только 8 утра, в ожидании врача и завтрака я решила поспать.

Проснулась от жуткого чувства голода, есть хотелось невозможно. Картинка с розовым упитанным слоником только разжигала аппетит. Я уже сто раз пожалела, что так легкомысленно отпустила блинчики из своего желудка.

Выглянула в коридор. Пусто. И я отправилась на разведку. Как-то в юности я смотрела фильм про войну, и там была такая сцена – советский пленный шел по мрачному коридору в подземелье, и со всех сторон из пыточных камер, доносились душераздирающие крики и стоны.

Я шла по больничному коридору и слышала все эти душераздирающие крики и стоны. И тогда я решила, что вот так орать не буду. Я герой. Я Зоя Космодемьянская.

В коридоре меня выловила медсестра и завернула обратно в палату, «роженицам ходить по коридору запрещено. Нет, кормить не будут. Да, врач сейчас зайдет». И правда, через минут пять ко мне зашла врач, осмотрела, нахмурилась и назначила капельницу. Еще час я лежала под капельницей с урчащим от голода животом и мечтала о каком-нибудь завалящемся сухарике. Вместо сухарика пришли схватки. Я обрадовалась. Сейчас быстренько рожу и меня, наконец-то, покормят.

Как оказалось, схватки это еще не роды, вы можете прокорчиться от боли несколько часов, а вот как только возникнет тянущее ощущение внизу таза, словно какать хочется, значит пришли потуги, финал близок. Еще два часа я считала схватки, дышала и грызла спинку кровати.

Организованно, словно гид в музее, акушерка завела в мою палату студентов-практикантов. Те робкой шеренгой выстроились вдоль стены, молчаливые испуганные белые халаты в медицинских масках. Руками ничего не трогаем, смотрим глазками. Меня переместили в родильное кресло. Шоу начинается.

«Подойдите поближе, видите, сейчас раскрытие 8 см». Это к студентам.

«А ты почему не тужишься? Давай, милая, работай». Это ко мне.

«Тужься. Не жалея себя. Думай о ребёночке. Давай-давай, не ленись».

Я не ленилась. Я бы и рада потужиться, но тогда произойдет немалый конфуз. Мне сильно и совсем невовремя захотелось в туалет, уж извините, по-большому. И по-настоящему.

– А можно мне в туалет. Я быстренько.

– Ты чего, обалдела? У тебя ребенок в родовом канале. Какай здесь.

Как здесь? Я не могу при всех, здесь народу много. Я привыкла какать в более уединенной обстановке.

Вот чего только не увидишь и не услышишь в роддоме. Но если в других палатах врачи командовали «Тужься» и «Дыши», то в моей палате акушерка кричала: «Какай. Какай!» Я крепко зажмурилась, закрывшись от всех посторонних взглядов, и выдавила из себя эту постыдную колбаску. Её тут же подхватила в салфетки санитарка и унесла в неизвестном направлении.

Мне полегчало. Стресс и стыд отпустил, теперь можно и поработать. Но пока я там стеснялась, ребёнок застрял где-то на половине пути, а у меня не хватает сил ему помочь. Устала. Хотелось свернуться калачиком и отдохнуть, совсем немножко, пять минуточек можно?

А акушерка, неугомонная, бегаёт вокруг меня и чуть ли не по щекам бьет: «Не спать. Тужься. Помоги своему ребенку. Головка выходит. Тужься сильнее».

Я тужилась. Я старалась. Сжимала зубы, багровела лицом и, напрягая все нужные и ненужные мышцы, пыталась как-то подтолкнуть своего застрявшего малыша.

Ребёнок шел медленно, рывками, словно тяжелый ледокол, раздвигая кости и разрывая мышцы. Больно. Но я не кричала. Кричала акушерка: " Дыши! Тужься! Дыши! Тужься! Не жалея себя. И еще раз. Плохо тужишься. Будем выдавливать простыней».

Я как представила эту страшную картину, набрала в лёгкие побольше воздуха, сделала неимоверное усилие и выдохнула. На этом выдохе родился мой сын. Всё, шоу закончилось.

Врачи ушли. Практикантов увели. Осталась одна девочка, она держала меня за руку, пока меня зашивали. Не выходя из амплуа героя, я тихонько постанывала, закатывала глаза и сильно сжимала руку этой девочки, впиваясь ногтями. Жаль, что ногти у меня короткие и не оставляют

следов. Мне хотелось, чтобы эта девочка-практикантка пришла к другим, показала свою руку со следами моей боли, моего мужества, стойкости и терпения и сказала: «Смотрите. Смотрите, как рожают Зои Космодемьянские».

Когда всё закончилось, меня, как и всех бюджетных рожениц, на каталке вывезли в общий коридор. Пузырь льда на живот. Отдыхайте, мамочка.

Рядом со мной лежала такая же отстрелявшаяся и измученная, со льдом на животе и достаточно беспардонно меня рассматривала. В упор. Может, знакомая. Кивнула ей.

– Привет.

– Ой, здравствуйте. Скажите, а я тоже такая страшная? А у меня лицо чистое?

Всё, думаю, у этой матрёшки при родах что-то в башке лопнуло. Видно, сильно тужилась.

– Нормальное у вас лицо, – отвечаю, – обыкновенное.

И отвернулась, типа, сплю. Опасаюсь я этих послеродовых неадекватов.

Через час меня перевели в общую восьмиместную палату, а моего сына в специальный бокс, под колпак, дышать кислородом. Вот и славно, хоть выплусь.

Ночь была кошмарная. У меня всё болело. Орали чужие младенцы. Какая-то мощная тетка в моём сне, с большими руками, в хирургической маске, нависала надо мной и шептала в самое ухо: «Какай. Какай». Я не выпалась.

Утром мне отдали отдохнувшего под кислородом ребёнка. Пришла психолог, зачитала всем новорожденным баллы по шкале Апгара. Моему сыну срезали два балла за окрас. Он родился фиолетовым.

Нам показали, как пеленать, как подмывать, как кормить. Перечислили список запрещенных продуктов. В палате сплошные первородки – восторженные, неопытные, суетливые – раскудахтались каждая над своей кроваткой. Новый день начался, а вернее, новая жизнь.

Периодически я ловила на себе внимательные взгляды соседок и злилась – ну, не красавица, ну, опухшая после родов, голова грязная. Но и вы тоже не модели. А когда пошла умываться, то буквально шарахнулась от зеркала. Помните, как в мультике про Алису Селезневу: «А хотите я его стукну. Он станет фиолетовым. В крапинку»

В отражении на меня смотрело нечто фиолетовое в крапинку. Лицо, шея, грудь – всё было синего цвета.

Во время родов от сильного напряжения капилляры полопались, и вся моя кожа была усыпана маленькими синими сосудистыми точками-звездочками. Много-много. Как звёздное небо. Только страшно.

Доигралась в Зою Космодемьянскую.

В 17.00 к нам запустили родственников с подарками и поздравлениями. Они привезли полные сумки запрещенных продуктов. Будто специально пошли с чёрным списком, который нам утром зачитывала строгая тётя-психолог, купили всё, что нельзя и привезли роженицам. Кушайте, мамочки, набирайтесь сил.

А нам и это нельзя, и это под запретом. Мало ли диатез, мало ли понос. И потихоньку все красные яблоки, апельсины, сладости от неопытных первородок перекачались в тумбочку к опытной армянке: «Эй, давай мне это сюда. Мне всё можно». Армянка была самой старшей в нашей палате и уже не раз рожавшей – третьи роды, пятый ребенок. Два раза по двойне.

Моя мама при виде меня аж в лице поменялась, и голос дрогнул:

– Доченька, милая, что с тобой? Очень тяжело было? Как себя чувствуешь?

Такой слабости я от своей железной мамы не ожидала. Мам, да всё в порядке. Подруга-медик сразу поняла, откуда у меня звёздное небо на лице и была более категорична:

– Жанна, ты дура. Когда больно, орать нужно.

Нет, подруга. Я ведь герой. А Зои Космодемьянские не орут.

Ворона по имени Рона

У меня есть знакомая ворона. Мы с ней не подруги, знакомы всего лишь неделю. Да и какая это дружба – я её кормлю, а она хрипло каркает на меня.

А вы знали, что польские вороны «кракают»?

КРА-КРА, КРА-КРА.

Много лет назад мы с семьей – мамой и младшей сестрой Ритой – ездили в Польшу к моему другу по школьной переписке в КИДе (клуб интернациональной дружбы) Яреку Мицуну.

Поляки немного говорили по-русски, да и мы иногда понимали их пщекающий язык. А уж нам, детям, языковой барьер совсем не преграда. Мы общались жестами, мимикой, угадываемыми словами, моментально схватывая чужой язык.

Я помню наш упрямый детский спор о том, как разговаривают вороны – «кар-кар» или «кра-кра». Мы с Ритой, отстаивая «русскоговорящих» ворон, громко «каркали». На польской стороне – Ярек, Марюш и Бася упёрто «кракали».

Каждый остался при своих воронах.

Еще долгое время я, заслышав вороньи крики, задирала голову вверх и прислушивалась – «кар-кар» или «кра-кра».

Эта ворона каркала, значит наша, российская.

Летать она не может – подбита.

Левое крыло чёрным широким веером волочится по земле. Кошка цапанула, или камень кто-то запустил. А, может, пострадала в яростных побоищах с сородичами. Вороны сейчас гнездятся – агрессивные такие, взъерошенные, скандалы на каждой березе. Такие побоища устраивают, только перья летят да клювы трещат.

Этой вороне не повезло. Подбили.

Так и ходит целый день вдоль ограды, туда-обратно, ворошит сухие листья бессильным крылом да клювом перебирает веточки.

От любопытных людей и собак её спасает высокое металлическое ограждение вокруг Детского Дома. Сама ворона внутри, в небольшом скверике.

От безжалостных прирожденных охотников – уличных кошек – её бережёт судьба. Пока бережёт. Муж говорит, ты лишь отсрочила этой бедолаге неизбежную гибель, рано или поздно кошка найдет свою добычу.

Каждый день я ещё издали, подходя к Детскому Дому, начинаю выглядывать сквозь прутья забора черно-серое оперенье. Вон она, голубушка, на месте. Вышагивает по свежей пробивающейся травке неторопливыми шагами. Туда-обратно.

Ворона-ворона-ворона-ворона, кушать.

Сначала я так её подзывала. Потом устала выговаривать это длинной скороговоркой и сократила до Роны – ронарона ронаронарона, кушать.

У меня в пакетике бутылочка с водой и всякая вкусняшка. Раньше колбасные и сырные обрезки доставались собаке, сейчас – извини, Нормуша, это для вороны Роны. Ей здоровье поправлять нужно. Там в кустах у неё обеденный стол, подальше от наглых прожорливых товарок и вездесущих голубей.

Первое время подбитая ворона меня побаивалась, стеснялась, ходила в сторонке, пока другие пернатые – наглые вороны, толстые голуби, юркие воробьи и шустрые галки – поедали её обед.

Если она всё-таки ухватывала кусочек, на неё тут же с громким угрожающим карканьем, хлопая крыльями, налетали здоровые сородичи. Та бросала еду и неуклюжими скачками уле-

пётывала в кусты. Я орала ей вслед: «Дура такая! Зачем ты сыр бросила? Ты так долго не протянешь».

Через пару дней моя Рона поняла, кто истинная хозяйка этого пиршества и бежала сразу, как только я высыпала сквозь решетчатые прутья принесенную еду и наливала воду – Рона-рона-рона-рона.

Хватала кусочки, утаскивала в безопасное место. Да ещё и отпор стала давать своим обидчикам.

А вы знали, что вороны делают съестные зачатки?

Совсем как собаки, что не съели, то закопали на чёрный день. Присыпали сухими листьями, спрятали в корнях деревьев или же засунули своим длинным клювом в кусок пустой трубы.

Рона хранит свои зачатки именно в трубах.

Теперь я за неё спокойна, если я пару дней не приду, у неё в обрезке трубы, недалеко от забора, хранится хвостик радужной форельки.

Сегодня ходила, кормила свою подопечную варёной фасолью и куриным рулетом. Она прямо как член семьи, питается с общего стола. Пока Рона чистила клюв, я всё пыталась подобраться поближе для удачного кадра. Но, увы, дальше забора не подобрёшься.

Выставив как можно дальше руку с телефоном через железную ограду и поймав свою ворону в квадратик камеры, я кричала «Снимаю!». Когда пальчиком не дотянуться до нужной кнопки, камерой на моём телефоне можно управлять с помощью голоса – словами «снимаю», «фотографирую», «улыбнитесь».

Зрелище было более чем странное – к металлическому ограждению Детского Дома прилипла взрослая тетенька с телефоном, что-то фотографирует и выкрикивает странные слова.

От моих криков ворона шарахалась ещё глубже в скверик. Я заходила с другой стороны. Вон она, красотка, сидит на пенёке, клюв чистит, сейчас будет классный кадр. «Снимаю!».

«Фотомодель» срывалась с пенёка и вприпрыжку удирала за деревья, оставляя мне смазанный, совсем не классный кадр.

Я терпеливо наводила камеру на дерево и ждала, когда моя ворона Рона выйдет из своего укрытия и согласится попозировать мне.

«Рона-рона-рона-рона».

Люди останавливались и пытались разглядеть, что же эта «папарацци» ищет среди деревьев около Детского Дома.

На кого наводит камеру?

А может, она нерадивая мамашка, которая раскаялась и теперь высматривает своего брошенного ребенка?

Или местная сумасшайка.

А то хуже – маньячка.

Кстати, о маньяках.

Прочитала курьезную историю. Одна бдительная мамочка бросила в соц. сетях, в школьной группе, тревожный сигнал – дорогие родители, будьте осторожны, около нашей школы постоянно околачивается пожилой странный мужчина неопрятного вида, с собачкой. Он стоит неподалеку от школьной спортивной площадки и наблюдает за детьми на физкультуре.

Я часто вижу его из своего окна, – писала эта мамочка, – и мне он кажется очень подозрительным типом.

В ответ посыпались комменты:

– где, когда, как выглядит;

– позвоните нам, как только он снова появится, мой муж разберётся с ним;

– вот телефон отдела полиции, которая занимается вопросами безопасности детей;

– ах, я боюсь теперь отпускать своего ребенка в школу, когда рядом разгуливают всякие извращенцы;

– давайте соберемся вместе и разберёмся с этим маньяком... и тому подобное.

Потом оказалось, это дедушка одной третьекласски. И каждый раз, гуляя с собачкой, он останавливался около школы и подолгу смотрел, как внучка занимается физкультурой. Любо-
вался.

В тот момент, когда я ошивалась около Детского Дома с камерой, пытаюсь пролезть сквозь решетку и фотографируя непонятно что, я тоже очень смахивала на «подозрительного типа». И чтобы никакая бдительная мамашка не позвонила в соответствующие органы с тревожным сигналом, я решила ретироваться оттуда.

Рона, пока-пока. До завтра.

А что у нас на завтрак?

Раньше, если бы вы спросили меня: «Жанна, а что ты делаешь каждое утро часиков в 9 —10», я бы твёрдо ответила: «Гуляю с собакой».

Это продолжается почти 12 лет. По человеческим меркам моя Нормандия зрелая восьмидесятилетняя дама. Сейчас к многолетнему собачьему ритуалу добавился еще один. Вот спросите меня: «Жанна, как ты начинаешь свое утро?», я отвечу: «Гуляю с собакой и кормлю ворону».

Уже три недели, каждое утро я собираю в рюкзачок на завтрак вороне по имени Рона вкусные остатки с нашего стола и бутылочку воды. Моя собака в удивленных обидках. Раньше лакомые кусочки доставались только ей, «Нормандии – хорошей девочке, самой красивой, самой умной собаченции, люблю, люблю». Теперь же колбаска и сыр проплывают мимо её носа в пакетик для вороны.

Ворона объедает не только собаку.

– Валера, – кричу я по утрам, – я же просила оставить немного сыра для вороны.

Муж заглядывает на кухню, возмущается:

– А эта носатая сучка не подавится пармезанчиком? Может, ей ещё и винца налить?

Муж решил немного похудеть и отказался от пива. Теперь вечера он проводит не с литрушкой Черничного стаута и солено-вялеными брюшками горбуши, а в компании с Мерло вприкуску с уругвайским пармезаном.

Младшая итальянская сестра посоветовала заменить пиво вином и «меньше жрать – больше двигаться». Валера услышал только про вино. Теперь «худеет» на красном полусладком и на белом сухом.

Контейнер набит едой под крышку, одной маленькой порцией уже не обойтись, потому что на мои призывы «ронаронарона» слетается вся пёстрая птичья братия – вороны, голуби, воробьи, галки и ещё какие-то неизвестные мне птички – круглые серенькие в крапинку. Чувствую себя Белоснежкой. Систер Шевцова смеется: «Может, тебе петь начать, глядишь, и зверушки повылазят». Ира, боюсь, что на мой голос могут вылезти только местные бомжи.

Иногда мне кажется, что вороны вычислили, где я живу, и как только я выхожу из дома с собакой и сумкой, по каркающей мобильной связи передается: «Внимание. Она вышла. Передай всем нашим, скоро будет жратва».

Я подхожу привычным маршрутом к ограде Детского Дома, а они уже сидят на металлических прутьях в ожидании, уставились на меня своими клювами: «Что сегодня на завтрак?»

Девочки, сегодня у нас мясные ёжики под томатно-фасолевым соусом. Угощайтесь.

И каждое утро, раскладывая вдоль ограждения пластиковые баночки с едой, чувствую себя матерью – кормилицей.

Первую неделю приходилось каждый день эти баночки обновлять, вороны растаскивали тару по всему скверу. А налитую в миску воду проливали сразу же. Одна попила, потянула за край, опрокинула, вода вся вылилась. Я ругалась и грозилась, что больше, идиотки такие, я вам ни капли не принесу, ждите дождей.

Подруженица посоветовала на дно миски положить камешек потяжелее. Вика, спасибо, работает. Полная миска теперь на одном месте и воды хватает всем. Как и еды. Всем поровну. Хотя самое вкусное – кусочек куриного рулета или вареное яйцо – я оставляю для Роны. Поправляйся, дорогая.

Она прочувствовала свою ВИП-персону и теперь не удирает в спасительные кусты от малейшего шороха и косых вороньих взглядов. За свою пайку Рона может и клювом нащелкать. Правда, не всем.

Есть у них какая-то воронья иерархия. Прилетел крупный чёрный вороний пахан, все остальные кинулись врассыпную. Он вразвалочку, неторопливо подошел к площадке, поковырялся, выбрал что повкуснее и свалил. Только потом на еду налетели мелкие вороны. Ругаются, кричат, насакивают, бьют друг друга наотмашь крыльями и клювами.

Рона в разборках не участвует, бережётся, и так крыло травмировано. Она знает, голодной не останется. Тетя Жанна припасла для неё вкусняшку.

Ронаронарона, иди кушать, моё солнышко.

Про ЭТО

В нашей семье тема секса была не то чтобы под запретом, ее просто не существовало. Вообще. Но и время было такое. Молчала не только моя мама. Молчали взрослые, молчала школа, молчали телевидение и пресса. Вокруг был словно какой-то информационный вакуум.

Еще свежи были отголоски телемоста 86-го года «Ленинград-Бостон», когда фраза «В СССР секса нет» полетела в народ. Кто-то произносил ее с гордостью: «В СССР секса нет!». Кто-то неуверенно, словно сомневаясь. Вроде бы есть, но сам не видел. А кто-то просто с издевкой: «В СССР секса нет? Да ладно»

Для меня эта фраза стала олицетворением времени моего взросления, полового созревания. Время, когда я менялась и в голове, и в теле. Время моих безответных вопросов.

Первый интерес, как полагается, появился еще в детском саду. Мне, девочке выросшей в полном матриархате, с редким воскресным папой, было вдвойне интересней, как у них, у мальчишек, там все устроено. Наши детсадовские игры в дочки-матери становились все взрослее, а игры в доктора – все интереснее. И в тихий час, сдвинув раскладушки, мы с девочками тихо шептались, что у мальчишек, там, всё напутано – много лишнего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.